

МОРФОЛОГИЯ ИМЕНИ ЧИСЛИТЕЛЬНОГО В ДИАЛЕКТАХ МОКШАНСКОГО ЯЗЫКА

М. З. ЛЕВИНА,

кандидат филологических наук,
доцент кафедры мокшанского языка
ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ)

Изучение специфической лексико-грамматической группы слов в диалектах мокшанского языка – имен числительных, находящихся под постоянным воздействием социального и научно-технического прогресса, развития точных наук и математизации языковых понятий, – представляет собой актуальную для мордовского языкознания проблему.

Сложные числительные в диалектах, как и в мокшанском литературном языке, образуются слиянием основ двух числительных. В частности, названия чисел от 11 до 19 складываются из деформированного названия первого десятка *ketəñ* ‘десять’ и названия единиц в несколько измененном виде.

В диалектах мокшанского языка, как и в литературном языке, числительные по своему значению, грамматическим признакам и функционированию в речи делятся на количественные (*fkä* / *fke* / *ifkä(e)* ‘один’, *kafta(ə)* ‘два’, *veŋe(ə)* / *viŋe(ə)* ‘пять’, *ketəñ* / *kiməñ* ‘десять’), порядковые (*vašəñće(ə)* ‘первый’, *keveŋijəcə(ə)* / *kiviŋijəcə(ə)* ‘пятнадцатый’), собирательные (*kaŋćke(ə)* ‘оба’, *kolmənc* ‘трое’), разделительные (*kaftəñ-kaftəñ* ‘по двое’, *viŋəñ-viŋəñ* ‘по пять’, *šadəñ-šadəñ* ‘по сто’), дробные (*ñil’əćəks päl’ks* ‘четвертая часть’, *viŋe veŋšəćəks pel’ks maRta* ‘пять десятых’),

приблизительного счета (*ñil’əška* ‘около четырех’, *kolma-ñile* ‘три-четыре’), неопределенно-количественные (*lama(ə)* ‘много’, *kəřža* / *kə’rža(ə)* / *kəřža* ‘мало’, *aŋ kəřža* ‘немало’, *aŋ lama(ə)* ‘немного’, *baiŋ’ak* ‘порядочно’).

Числительные, обозначающие отвлеченное число или количество целостных предметов, называются количественными. По своему составу они делятся на простые, сложные и составные.

Простые числительные состоят из одного корня (*fkä(e)* / *ifkä(e)* ‘один’, *kota(ə)* ‘шесть’, *kaŋksa(ə)* ‘восемь’, *ketəñ* / *kiməñ* ‘десять’). В диалектах мокшанского языка они различаются в основном фонетически.

Числительное *fkä* ‘один’ в мокшанских диалектных ареалах представлено следующими вариантами: темн.-атр.г. *fkä*, атр.г. *fke*, юго-вост.д. *fke*, сев.-зап.г. *ifkä*, юго-зап.г. *ifke*, ср.-вад.д. *aŋke*, м.лит. *fkä* ‘один’. В западном и переходном диалектах наблюдаются формы *ifkä(e)* / *aŋkä(e)*, в которых наличествует гласный звук в начале слова. Аналогичные формы зафиксированы в средне-вадском диалекте [3, 366]. Предположительно данный звук присутствовал в составе древне-мордовского архетипа **ük-te*. В говорах юго-восточного, а также центрального диалекта функционирует вариант числительного *fke* ‘один’, где происходит сужение общемордовского гласного *ä* (*ä* > *э*). Аналогичное явление встречается и в числительных *viŋe(ə)* ‘пять’, *viJksa(ə)* ‘девять’, *kiməñ* ‘десять’.

В некоторых диалектных ареалах наблюдается расширение гласных в конце слова, ср.: кр.-синдр.г. *ñile, ve'e*, рыбк.-ммл.г. *ñile, ve'e*, ст.-шайг.г. *ñile, ve'e / vite*, юго-вост.д. *ñile, vite*, м.лит. *ñil'e* ‘четыре’, *ve'e* ‘пять’. Это связано с тем, что конечный гласный данных числительных в архетипе был гласным переднего ряда, который довольно хорошо сохранился в родственных языках: эрз. *nile*, фин. *nelja*, манс. *nile* ‘четыре’; эрз. *vete*, фин. *viisi* (основа *viite-*), мар. *vič, vizat* ‘пять’ < *vite*.

В большинстве диалектов числительные *kafksa(ə)* ‘восемь’, *veJksa(ə)* ‘девять’ выступают в виде нескольких фонетических вариантов, обусловленных ареалом распространения: центр.д. *kafksa(ə)*, *veJksa(ə)* / *viJksa(ə)*, юго-вост.д. *kafksa*, *viJksa*, *viχsa*, зап.д. *kafksa*, *viJksa*, *viχsa*, м.лит. *kafksâ* ‘восемь’, *veJksâ* ‘девять’. Указанные числительные исторически являются производными, образовавшимися от основ числительных *kafîa* < **kavta*, *veJksa(ə)* < **vejkâ* (ср. эрз. *vejke* ‘один’).

В темниковско-атюрьевоком, рыбкинско-мамолаевском говорах центрального диалекта числительное *komś* ‘двадцать’ употребляется в форме *komăs*, где появляется вставочный гласный, который, по всей видимости, существовал в первичной форме. Вариант *komăs* образован от *ko-* – сильно сокращенной и видоизмененной основы числительного *kafîa* ‘два’ и форманта *mś*, который родственен элементу *mys*, употребляющемуся в пермских языках в некоторых названиях числительных, ср.: коми-зыр. *kôkja-mys* ‘восемь’; коми-зыр. *ôk-mys*, удм. *uk-mys* ‘девять’ [5, 117].

В некоторых ареалах центрального, юго-восточного диалектов вместо числительного *tožâñ* ‘тысяча’ функционирует эквивалент *tîšča*, заимствованный из русского языка: рыбк.-ммл.г. *tîšča*, юго-вост.д. *tîšča*, м.лит. *tožâñ*, рус. *тысяча*.

Сложные числительные в диалектах, как и в мокшанском литературном языке, образуются слиянием основ двух числительных. В частности, названия чисел от 11 до 19 складываются из деформиро-

ванного названия первого десятка *ketâñ* ‘десять’ и названия единиц в несколько измененном виде. При этом в диалектах указанные числительные в первом компоненте имеют элементы *ki-*, *kim-*, в которых происходит сужение общемордовского гласного э (э > и):

атр.г.	юго-вост.д.	рус.
<i>kifkijə</i>	<i>kifkije</i>	одиннадцать
<i>kingaftuvə</i>	<i>kingaftuva</i>	двенадцать
<i>kingolmuvə</i>	<i>kingolmuva</i>	тринадцать
<i>kimñilijə</i>	<i>kimñilije</i>	четырнадцать
<i>kivitiijə / kimvitiijə</i>	<i>kivitiije</i>	пятнадцать
<i>kingotuvə</i>	<i>kingotuva</i>	шестнадцать
<i>kimzišəmge</i>	<i>kimzišəmge</i>	семнадцать
<i>kingafksuvə</i>	<i>kingafksuva</i>	восемнадцать
<i>kiviJksPjə</i>	<i>kiviJksPje</i>	девятнадцать
ср.-вад.д.	м.лит.	рус.
<i>kifkije(ə)</i>	<i>kefkije</i>	одиннадцать
<i>kingaftuva(ə)</i>	<i>kemgaftuvâ</i>	двенадцать
<i>kingolmuva(ə)</i>	<i>kemgolmuvâ</i>	тринадцать
<i>kimñilije(ə)</i>	<i>kemñilije</i>	четырнадцать
<i>kivitiije(ə)</i>	<i>kevetije</i>	пятнадцать
<i>kingotuva(ə)</i>	<i>kemgotuvâ</i>	шестнадцать
<i>kimzišije / kimzišije</i>	<i>kemzišəmge</i>	семнадцать
<i>kingafksuva(ə)</i>	<i>kingafksuvâ</i>	восемнадцать
<i>kiveχsPjə(ə)</i>	<i>keveJksPje</i>	девятнадцать

В говорах центрального и западного диалектов рассматриваемые числительные отличаются от соответствующих форм литературного языка также ударением. Если в мокшанском литературном языке ударение падает на первый слог, то в диалектах – на второй: темн.-атр.г. *kemgâftuvə*, юго-зап.г. *kingâftuva*, м.лит. *kémgaftuvâ* ‘двенадцать’; темн.-атр.г. *kemvétijə / kevétijə*, юго-зап.г. *kivítije*, м.лит. *kévetije* ‘пятнадцать’.

Названия десятков от 30 до 90 представляют собой сложные числительные, образованные от основ двух числительных, одно из которых по отношению к другому является определением. В отдельных диалектных ареалах данные числительные отличаются от соответствующих форм мокшанского литературного языка: определяющим в них выступает первый компонент, в котором суффикс соотносится с суффиксом относительных отыменных прилагательных:

<u>атр.г.</u>	<u>ср.-вад.д.</u>	<u>рус.</u>	<u>рыбк.-ммл.г.</u>	<u>зап.д.</u>	<u>рус.</u>
<i>kolmāngimāñ</i>	<i>kolmāngimāñ</i>	тридцать	<i>komās skijä</i>	<i>komās ifkijä(e)</i>	двадцать один
<i>ñil'āngimāñ</i>	<i>ñil'āngimāñ</i>	сорок	<i>komās kaftuva</i>	<i>komās kaftuva</i>	двадцать два
<i>vid'gimāñ</i>	<i>vid'gimāñ</i>	пятьдесят	<i>kolmāngemāñ</i>	<i>kolmāngemāñ</i>	тридцать три
<i>kafksāngimāñ</i>	<i>kafksāngimāñ</i>	восемьдесят	<i>kolmuva</i>	<i>kolmuva</i>	
<i>viJksāngimāñ</i>	<i>veχsāngimāñ</i>	девяносто	<i>ñil'āngemāñ</i>	<i>ñil'āngemāñ</i>	сорок четыре
но:			<i>ñil'ijä</i>	<i>ñil'ijä(e)</i>	
<i>kodgimāñ</i>	<i>kodgimāñ</i>	шестьдесят	<i>ved'gemāñ</i>	<i>ved'gemāñ ve'tije</i>	пятьдесят
<i>šiz'gimāñ</i>	<i>šiz'gimāñ</i>	семьдесят	<i>ve'tijä</i>	<i>vid'gimāñ vit'ije</i>	пять
<u>темяш.д.</u>	<u>м.лит.</u>	<u>рус.</u>	<u>рыбк.-ммл.г.</u>	<u>зап.д.</u>	<u>рус.</u>
<i>kolmāngemāñ</i>	<i>kolmāgemāñ</i>	тридцать	<i>kodgemāñ</i>	<i>kodgemāñ</i>	шестьдесят
<i>ñil'āngemāñ</i>	<i>ñil'gemāñ</i>	сорок	<i>kotuva</i>	<i>kotuva</i>	шесть
<i>ved'gemāñ</i>	<i>ved'gemāñ</i>	пятьдесят		<i>kodgimāñ</i>	
<i>kafksāngemāñ</i>	<i>kafksāgemāñ</i>	восемьдесят		<i>kotuva</i>	
<i>veJksāngemāñ</i>	<i>veJksāngemāñ</i>	девяносто	<i>šiz'gemāñ</i>	<i>šiz'gemāñ</i>	семьдесят
но:			<i>šisāmǵä</i>	<i>šis'ije</i>	семь
<i>kodgemāñ</i>	<i>kodgemāñ</i>	шестьдесят		<i>šiz'gimāñ</i>	
<i>šiz'gemāñ</i>	<i>šiz'gemāñ</i>	семьдесят		<i>šis'ije</i>	
			<i>kafksāngemāñ</i>	<i>kafksāngemāñ</i>	восемьдесят
			<i>kafksuva</i>	<i>kafksuva</i>	восемь
				<i>kafksāngimāñ</i>	
				<i>kafksuva</i>	
			<i>veJksāngemāñ</i>	<i>veχsāngemāñ</i>	девяносто
			<i>veJksβjä</i>	<i>veχsβje</i>	девятнадцать
				<i>viχsāngimāñ</i>	
				<i>viχsβjä</i>	

В говорах центрального, западного и переходного диалектов формы приведенных числительных сходны с формами соответствующих эквивалентов эрзянского языка: эрз. *koloñgemāñ* ‘тридцать’, *ñil'eñgemēñ* ‘сорок’, *kavksōñgemēñ* ‘восемьдесят’, *vejksēñgemēñ* ‘девяносто’, где первые элементы числительных *kolmāñ-* / *koloñ-*, *ñil'āñ-* / *ñil'eñ-*, *kafksāñ-* / *kavksōñ-*, *veJksāñ-* / *viJksāñ-* / *vejksēñ-* напоминают видоизмененную форму генитива от числительных *kolma* ‘три’, *ñil'e(ə)* ‘четыре’, *kafksa(ə)* ‘восемь’, *veJksa* ‘девятнадцать’: *kolmāngemāñ* / *kolmāngimāñ* означает ‘трех десятков; втроем десятков’, *ñil'āngemāñ* / *ñil'āngimāñ* – ‘четыре десятка; вчетвером десятков’, *kafksāngemāñ* / *kafksāngimāñ* – ‘восемь десятков; ввосемьдесят раз’, *veJksāngemāñ* / *viJksāngimāñ* / *veχsāngimāñ* – ‘девятнадцать десятков’.

Определительные отличия имеют и составные числительные, которые представляют собой сочетания простых или простых и сложных числительных.

Весьма интересным в юго-восточном диалекте и в рыбкинско-мамолаевских говорах является образование составных числительных с 21 до 99, в которых последний компонент, называющий единицы, принимает аффиксы *-ije* / *-ijä*, *-va*, *-ga* / *-gä*, сохранившие древние характерные черты пролатива. Реализация выделенных формантов в одном и том же диалекте обусловлена характером основы: *-ije* / *-ijä* – после гласных переднего ряда, *-va* – после заднерядных гласных, *-ga* / *-gä(e)* – после согласных:

<u>юго-вост.д.</u>	<u>м.лит.</u>	<u>рус.</u>
<i>komās skije</i>	<i>komās skä</i>	двадцать один
<i>komās kaftava</i>	<i>komās kafta</i>	двадцать два
<i>kolmāgemāñ</i>	<i>kolmāgemāñ</i>	тридцать три
<i>kolmuva</i>	<i>kolmā</i>	
<i>ñil'gimāñ</i>	<i>ñil'gemāñ</i>	сорок четыре
<i>ñil'ije</i>	<i>ñil'e</i>	
<i>vid'gimāñ</i>	<i>ved'gemāñ</i>	пятьдесят
<i>vit'ije</i>	<i>ve'e</i>	пять
<i>kodgimāñ</i>	<i>kodgemāñ</i>	шестьдесят
<i>kotuva</i>	<i>kofa</i>	шесть
<i>šiz'gimāñ</i>	<i>šiz'gemāñ</i>	семьдесят
<i>šisāmǵe</i>	<i>šisām</i>	семь
<i>kafksāngimāñ</i>	<i>kafksāgemāñ</i>	восемьдесят
<i>kafksuva</i>	<i>kafksā</i>	восемь
<i>viJksāngimāñ</i>	<i>veJksāgemāñ</i>	девяносто
<i>viJksβje</i>	<i>veJksa</i>	девятнадцать

Та же особенность наблюдается и в других говорах, но лишь в пределах от 21 до 29, а начиная с 30 составные числительные употребляются в начальной форме, как и в литературном языке [1, 125]:

<u>атр.г.</u>	<u>темяш.д.</u>	<u>рус.</u>
<i>komās skijä</i>	<i>komās skije</i>	двадцать один
<i>komās kaftuva</i>	<i>komās kaftuva</i>	двадцать два
<i>komās kolmuva</i>	<i>komās kolmuva</i>	двадцать три
<i>komās ñil'ijä</i>	<i>komās ñil'ije</i>	двадцать четыре
<i>komās vit'ijä</i>	<i>komās ve'tije</i>	двадцать пять
<i>komās kotuvä</i>	<i>komās kotuva</i>	двадцать шесть
<i>komās šisāmǵe</i>	<i>komās šisāmǵe</i>	двадцать семь

<u>атр.г.</u>	<u>темяш.д.</u>	<u>рус.</u>
<i>koməs kafksuvə</i>	<i>koməs kafksuva</i>	двадцать
<i>koməs viJksPjə</i>	<i>koməs veJksPje</i>	восемь
		двадцать
		девять
но:		
<i>kolmənġimən</i>	<i>kolmənġemən</i>	тридцать
<i>fke</i>	<i>fke</i>	один
<i>kolmənġimən</i>	<i>kolmənġemən</i>	тридцать два
<i>kaftə</i>	<i>kaftə</i>	

<u>м.лит.</u>	<u>рус.</u>
<i>komś fkä</i>	двадцать один
<i>komś kaftä</i>	двадцать два
<i>komś kolmä</i>	двадцать три
<i>komś ħilġe</i>	двадцать четыре
<i>komś veġe</i>	двадцать пять
<i>komś kofa</i>	двадцать шесть
<i>komś śisəm</i>	двадцать семь
<i>komś kafksä</i>	двадцать восемь
<i>komś veJksä</i>	двадцать девять
но:	
<i>kolməġemən fkä</i>	тридцать один
<i>kolməġemən kaftä</i>	тридцать два

Следует заметить, что приведенные диалектные формы *fkijə* / *fkije* / *fkijä* ‘один’, *kaftuva* / *kaftuvə* ‘два’, *ħil’ije* / *ħil’ijä* / *ħil’ijə* ‘четыре’, *śisəmġel* / *śisəmġä* / *śis’ije* ‘семь’ сохраняют более древнюю основу, чем аналогичные в литературном языке.

Порядковые числительные образуются от количественных с помощью суффикса **-ġe**: *kolmăġe(ə)* ‘третий’, *ħil’ăġe(ə)* ‘четвертый’, *kafksăġe(ə)* ‘пятый’, *kefkijăġe(ə)* ‘одиннадцатый’, *komăś kotuvăġe(ə)* ‘двадцать второй’. По мнению Д. В. Бубриха, Б. А. Серебренникова, суффикс **-ġe** восходит к **-ncē**: **n** перед **c** фонетически выпадает, а если сохраняется, то под воздействием параллельных образований на **-ġi**. Оставшееся **-ce** возводится к указательному местоимению *še* ‘тот’ [2, 94; 5, 120].

Во многих диалектах мокшанского языка, как и в большинстве других финно-угорских языков, порядковые числительные *vaśăġe(ə)* ‘первый’, *ombăġe(ə)* ‘второй’ образованы от супплетивных основ, ср.: эрз. *vaśăġe*, удм. *vaź* ‘первый’; эрз. *ombăġe* ‘второй’. Числительное *vaśăġe*, по-видимому, этимологически связано с элементом *vas*, содержащимся в таких наречных обра-

зованиях, как *vasġa* ‘сначала’, *vaso-lo* ‘далеко’. Первоначально *vaśăġe* могло означать ‘начальный, отдаленный’. *Ombăġe* ‘второй’ может быть разделено на три составные части – основа **o-**, представляющая собой местоименную основу (ср.: венг. *a-z* ‘тот’, удм. *o-t-yn* ‘там’); суффикс **-mb**, восходящий этимологически к суффиксу **-mp** сравнительной степени; суффикс порядковых числительных **-ġe**.

Весьма интересным в юго-восточном диалекте и в рыбкинско-мамолаевских говорах является образование составных числительных с 21 до 99, в которых последний компонент, называющий единицы, принимает аффиксы *-ije* / *-ijä*, *-va*, *-ga* / *-gä*, сохранившие древние характерные черты пролатива.

Особо следует остановиться на рыбкинско-мамолаевских и темниковско-атюрьево-вских говорах центрального диалекта, где данные порядковые числительные образуются от основ количественных числительных *fkä(e)* ‘один’ и *kafta(ə)* ‘два’:

<u>темн.-атр.г.</u>	<u>рыбк.-ммл.г.</u>	<u>м.лит.</u>	<u>рус.</u>
<i>kaftăċă</i>	<i>kaftăċe</i>	<i>ombăċe</i>	второй
<i>komăś</i>	<i>komăś</i>	<i>komś</i>	двадцать
<i>fkijăċă</i>	<i>fkijăċä</i>	<i>vaśăġċe</i>	первый
<i>komăś</i>	<i>komăś</i>	<i>komś</i>	двадцать
<i>kaftuvăċă</i>	<i>kaftuvăċä</i>	<i>ombăċe</i>	второй

Собирательные числительные обозначают количество лиц или предметов в их совокупности, объединяемых в одно целое по отношению к совершаемому ими действию или свойственному им признаку. Они образуются от количественных путем присоединения суффиксов **-kśġe(ə)**, **-ċkă(e,ə)** / **-iċkă(e,ə)**, **-nc**: *kaftăkśġe(ə)* ‘оба’, ‘двое’, *kolmăċkă(e,ə)* ‘трое’, *ħil’iċke(ə)* ‘четверо’, *veġiċke(ə)* / *viġiċke(ə)* ‘пятеро’, *kafănc* ‘двое’.

Отметим, что в рыбкинско-мамолаевских говорах центрального диалекта в отличие от мокшанского литературного языка суффикс **-kśġe** не встречается и,

соответственно, не образует собирательные числительные [4, 17].

В говорах центрального, юго-восточного и средне-вадского диалектов функционируют варианты **-iĉkǎ(e,ə)** / **-ĉĉkǎ(e,ə)**, придающие числительным значение полного охвата количества. Например: *kafta(ə)* – рыбк.-ммл.г. *kaftiĉkǎ* / *kaftiĉkǎ*, юго-вост.д. *kaftiĉke*, ср.-вад.д. *kaftĉĉke(ə)* ‘оба, все два’; *kolma(ə)* – рыбк.-ммл.г. *kolmiĉkǎ*, юго-вост.д. *kolmiĉke*, ср.-вад.д. *kolmĉĉke(ə)* ‘все три’.

Большая значимость нумеральных слов, их словообразование, употребление и распространенность делают изучение числительных, роль которых в профессиональной и общеупотребительной лексике постоянно возрастает, весьма актуальным.

Собирательные числительные, образованные при помощи притяжательных суффиксов **-ĉen**, **-ĉet**, **-ĉenza(ə)**, **-ĉek** / **-ĉeĉk** / **-ĉeĉak**, **-ĉeĉt**, **-ĉest**, выполняют функцию счетно-личных местоимений. Они одновременно показывают и количество, и лицо, например: *kaĉĉen* ‘вдвоем я’, *kaĉĉet* ‘вдвоем ты’, *kaĉĉenza(ə)* ‘вдвоем он’, *kaĉĉek* / *kaĉĉeĉk* ‘вдвоем мы’, *kaĉĉeĉt* ‘вдвоем вы’, *kaĉĉest* ‘вдвоем они’; *kolmaĉen* ‘втроем я’, *kolmaĉet* ‘втроем ты’, *kolmaĉenza(ə)* ‘втроем он’, *kolmaĉek* / *kolmaĉeĉk* ‘втроем мы’, *kolmaĉeĉt* ‘втроем вы’, *kolmaĉest* ‘втроем они’ и т. д.

Согласно диалектному материалу, формант **-ĉeĉk** употребляется в юго-восточном диалектном ареале: инс.г. *kaĉĉeĉk* ‘вдвоем мы’, *viĉĉeĉk* ‘впятером мы’, а в некоторых говорах центрального диалекта функционирует вариант **-ĉeĉak**, где развился буферный гласный **ə**: темн.-атр.г. *kaĉĉeĉək* ‘вдвоем мы’, *kolmaĉeĉək* ‘втроем мы’.

В употреблении разделительных, а также числительных приблизительного счета в диалектах мокшанского языка выявляются лишь фонетические разли-

чия, например: центр.д. *veĉĉen-veĉĉen* / *viĉĉen-viĉĉen*, юго-вост.д. *viĉĉen-viĉĉen*, зап.д. *veĉĉen-veĉĉen* / *viĉĉen-viĉĉen*, м.лит. *veĉĉen-veĉĉen* ‘по пять’; центр.д. *keĉĉenška* / *kimānška*, юго-вост.д. *kimānška*, зап.д. *keĉĉenška* / *kimānška*, м.лит. *keĉĉenška* ‘около десяти’.

Дробные числительные, обозначающие дробные величины, образуются от количественных числительных в сочетании со словами *pǎle(ə)* ‘половина’ и послелога *maRta(ə)* ‘с’, а также от порядковых числительных при помощи суффикса **-ks** и слова *pǎlks* ‘часть’: *kolma pǎle(ə) maRta(ə)* ‘три с половиной’, *niĉle(ə) kotăĉaks pǎlks* ‘четыре шестых части’.

В некоторых говорах центрального диалекта вместо слова *pǎlks* ‘часть’ употребляется заимствованный эквивалент *tal'eka* ‘доля’: темн.-атр.г. *kolmaĉaks tal'ekanc*, *veĉĉaks tal'ekanc*, рыбк.-ммл.г. *kolmaĉaks tal'ekanc*, *veĉĉaks tal'ekanc*, м.лит. *kolmaĉaks pǎlksanc* ‘третью часть’, *veĉĉaks pǎlksanc* ‘пятую часть’.

Неопределенно-количественные числительные *lama(ə)* ‘много’, *kəržá* / *kə'rža(ə)* / *kəržá* ‘мало’, *af kəržá* ‘немало’, *af lama(ə)* ‘немного’, *baitak* ‘порядочно’, обозначающие неопределенно-малое или неопределенно-большое количество, выступают в различных вариантах, обусловленных ареалом распространения.

В большинстве говоров западного диалекта варианты данных числительных различаются ударением. Если в мокшанском литературном языке в форме *kəržá* ‘мало’ ударение падает на второй слог, так как в первом слоге гласный непосредственного ряда, то в рассматриваемых диалектах эта особенность не учитывается и ударение падает на первый слог: *kə'rža* ‘мало’. Другие примеры: зап.д. *túnda*, *ul'cǎ(e)*, *tə'rva*, м.лит. *tundá* ‘весна’, *ul'cǎ* ‘улица’, *tərvá* ‘губа’ и т. д. Следует сказать, что в западном диалектном ареале сохраняется древнемордовское ударение, в основном прикрепленное к первому слогу слова.

Все неопределенно-количественные числительные, подобно определенным,

Собирательные числительные, образованные при помощи притяжательных суффиксов *-ñen*, *-ñet*, *-ñenza(ə)*, *-ñek* / *-ñeñk* / *-ñeñək*, *-ñeñt*, *-ñest*, выполняют функцию счетно-личных местоимений. Они одновременно показывают и количество, и лицо.

вливают на формальное выражение множественности в словах, связанных с ними: *lamə kud* ‘много домов’, *kəřžá* / *kəřža(ə)* / *kəřža mar* ‘мало яблок’, *af kəřža tev* ‘немало дел’, *af lama(ə) ved* ‘немного воды’, *šorada baitak* ‘зерна порядочно много’ и т. д.

Числительные, употребляемые в значении существительных, изменяются по падежам неопределенного: ном. *koməs fkä(e)* / *komś fke* ‘двадцать один’, ген. *koməs fkäñ* / *komś fkeñ*, дат. *koməs fkäñd'i* / *komś fkeñd'i*; определенного: ном. *ñil'əngeməñ ñil'iəs* / *ñil'əngiməñ ñil'ijəs* ‘сорок четыре’, *ñil'əngeməñ ñil'iat* / *ñil'əngiməñ ñil'ijət*, *ñil'əngeməñ ñil'iat'i* / *ñil'əngiməñ ñil'ijət'i* склонений и принимают суффиксы притяжательности: *fkäze(ə)* / *ifkäze(ə)* / *vašəñčəže(ə)* ‘мой первый’, *fkäce(ə)* / *ifkece(ə)* ‘твой первый’, *fkac* ‘его (ее) первый’ и т. д.

Таким образом, большая значимость нумеральных слов, их словообразование, употребление и распространенность делают изучение числительных, роль которых в профессиональной и общеупотребительной лексике постоянно возрастает, весьма актуальным.

Приведенный языковой материал дает основание утверждать, что в современных диалектах мокшанского языка обнаруживается довольно большое количество разнообразных форм имени числительного. Всестороннее углубленное изучение диалектных особенностей данной категории составляет одну из проблем современного мордовского языкознания в связи с расширяющимся заимствованием форм числительных из русского языка и исчезновением ряда мокшанских говоров.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

атр.г. – атюрьевский говор центрального диалекта;
венг. – венгерский язык;
зап.д. – западный диалект;
инс.г. – инсарский говор юго-восточного диалекта;
коми-зыр. – коми-зырянский язык;
кр.-синдр.г. – краснослободско-синдровские говоры центрального диалекта;
манс. – мансийский язык;
мар. – марийский язык;
м.лит. – мокшанский литературный язык;
рус. – русский язык;
рыбк.-ммл.г. – рыбкинско-мамолаевские говоры центрального диалекта;
сев.-зап.г. – северо-западные говоры западного диалекта;
ср.-вад.д. – средне-вадский диалект;
ст.-шайг.г. – старошайговский говор центрального диалекта;
темн.-атр.г. – темниковско-атюрьевский говор центрального диалекта;
темяш.д. – темяшевский диалект;
удм. – удмуртский язык;
фин. – финский язык;
центр.д. – центральный диалект;
эрз. – эрзянский язык;
юго-вост.д. – юго-восточный диалект;
юго-зап.г. – юго-западные говоры западного диалекта.

Поступила 14.12.2013

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бабушкина, Р. В. Темяшевский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. – Саранск, 1966. – Т. 4. – С. 16–226.
2. Бубрих, Д. В. Историческая морфология финского языка / Д. В. Бубрих. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. – 186 с.
3. Деваев, С. З. Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. – Саранск, 1963. – Т. 2. – С. 261–433.
4. Липатов, С. И. Рыбкинско-мамолаевские говоры мокша-мордовского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. И. Липатов. – Тарту, 1972. – 23 с.
5. Серебренников, Б. А. Историческая морфология мордовских языков / Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1967. – 261 с.